

ДЕТСТВО КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

И.С. Кон

Мир детства – неотъемлемая часть образа жизни и культуры любого отдельно взятого народа и человечества в целом. Однако наше познавательное отношение к этому миру внутренне противоречиво. В статье рассматриваются основные направления исследований детства в социальных и гуманитарных науках, затрагиваются вопросы этнографии и истории детства, исторической демографии и истории семьи, кросскультурных и гендерных исследований. Вводится понятие «культура детства». Социологические исследования детства показаны как база социальной политики в области детства.

Ключевые слова: детство, культура, история, этнография, социология, кросскультурные исследования, родительство, воспитание, общество, социальная политика

В историко-социологическом и этнографическом изучении детства можно выделить три автономных аспекта: *положение детей в обществе*, их социальный статус, способы жизнедеятельности, отношения со взрослыми, институты и методы воспитания; *символические образы ребенка* в культуре и массовом сознании, соционормативные представления о возрастных свойствах, критериях зрелости; собственно *культура детства*, внутренний мир ребенка, направленность его интересов, детское восприятие взрослого общества, фольклор. Все эти аспекты взаимосвязанны, и каждый из них может быть предметом разнообразных психологических, социологических, исторических и этнографических изысканий. Но какими бы специализированными ни были подобные исследования, они всегда соотносятся с общими свойствами и ценностными ориентациями соответствующего общества.

Первые монографические исследования детства были посвящены доклассовым и раннеклассовым обществам – североамериканским индейцам, народам Африки и Океании. Их относительная простота в сочетании с экзотической непохожестью на европейский образ жизни создавала соблазн легких обобщений относительно типа «модальной личности», национального характера. Как только предметом изучения стало детство у индустриально-развитых наций, картина усложнилась. Оказалось, что и родительские установки, и реальная педагогическая практика имеют, помимо этнокультурных, социально-классовые детерминанты, причем эти вариации меняются в ходе истории [см.: Bronfenbrenner, 1958; Kohn, 1977].

Кроме того, нормативно-педагогические установки и принципы нигде и никогда не совпадают полностью с реальной воспитательной практикой. Выдающийся американский социальный психолог У. Бронфенбреннер в содружестве с советскими учеными изучал сходства и различия социализации детей в СССР и США, результатом чего явилась широко известная книга «Два мира детства. Дети в США и в СССР». Книга эта, содержащая много интересных мыслей и наблюдений, получила высокую оценку специалистов и переведена на многие языки, включая русский. Но основной тезис автора, что в США главным социальным институтом, несущим ответственность за воспитание детей, является семья, а в СССР – детский коллектив, на наш взгляд, слишком прямолинеен [см.: Кон, 1976].

Прежде всего – о чем идет речь? О том ли, как советские и американские педагоги представляют себе воспитательные функции семьи и общества сверстников или о реальном взаимодействии этих институтов? Если о первом, то Бронфенбреннер прав, поскольку в советской педагогической литературе 50-х – начала 60-х годов, на которую он преимущественно опирался, роль семьи явно недооценивалась. Но реальное значение семьи, как доказывают социологические данные, всегда было очень велико. Кроме того, сказывается разница в характере источников. Хотя Бронфенбреннер многократно бывал в СССР и проводил в советских школах специальные эксперименты, для широких обобщений этих данных было недостаточно, что побуждало его больше опираться на педагогическую литературу. В результате, говоря о США, ученый описывает действительный процесс социализации, тогда как применительно к СССР он сплошь и рядом ограничивается характеристикой, принятой в педагогической литературе модели воспитания, что, конечно, не одно и то же.

Изучение мира детства является сегодня много- и междисциплинарным. Отсюда его предметно-тематическое и методологическое многообразие. С предметно-тематической точки зрения в нем можно выделить целый ряд самостоятельных направлений.

Первое направление, ориентирующееся прежде всего на физическую антропологию, изучает преимущественно физическое развитие детей – рост, вес, сенсомоторные процессы, половое созревание и т. д. – с точки зрения соотношения природных, биологических и этноспецифических, социокульту-

турных факторов, таких как условия питания, способы ухода за детьми.

Второе направление, ориентированное на социологию и социальную психологию, изучает преимущественно процессы социализации, институты и методы приобщения детей к культуре. В отличие от ранних работ этого типа, которые, в соответствии с фрейдистскими установками, изучали главным образом методы непосредственного ухода за младенцами, современные исследования охватывают чрезвычайно широкий круг тем: 1) изучение специфических закономерностей развития человека в данном обществе. Ученых интересуют не вообще особенности культуры, а то, чем отличаются дети данного народа от детей, выращенных в иной социокультурной среде; 2) изучение того, как именно дети усваивают культуру своего народа, каковы специфические механизмы и процессы «инкультурации». Если в первом случае сравниваются результаты социализации, то во втором – ее средства и методы; 3) исследование взаимосвязи между воспитанием детей и другими аспектами социальной структуры и культуры данного общества: кто и как определяет цели и средства воспитания, как взаимодействуют друг с другом отдельные институты социализации, как контролируются и корректируются ее результаты и т. д.; 4) изучение взаимосвязи между определенным стилем воспитания ребенка и социальным характером, чертами «модальной личности» взрослого человека (исходная проблема теории «культуры и личности»).

Третье направление исследований, ориентированное главным образом на психологию, прослеживает вариации в содержании духовного мира и темпах психического развития детей, воспитываемых в разных социальных и этнокультурных средах. В их числе: особенности когнитивных (познавательных) процессов, прежде всего – понятийного мышления; межкультурные вариации детского восприятия и памяти, соотношения зрительных и слуховых восприятий и т. д. в связи с особенностями когнитивного и перцептивного стиля разных народов; развитие детской речи; различия в характере эмоциональных реакций, коммуникативных качеств, эмпатии и защитных механизмов; этнокультурная специфика психосексуального развития, формирования мужской и женской идентичности и психосексуальных ориентаций; особенности формирования личности и индивидуального самосознания; закономерности развития морального сознания и ценностных ориентаций, чувства стыда, вины, потребности в достижении самостоятельности, коллективизма и т. д.; этническая специфика нервных и психических заболеваний (так называемая культурная психиатрия).

Следует отметить, что важнейшие современные психологические теории (развития человека) обязательно проверяются на кросскультурную валидность – выясняется, имеют ли они объяснительную и предсказательную силу также для неевропейских народов. Например, Э. Эриксон [Эриксон, 1996 (1963)] в подтверждение своей теории формирования идентичности, кроме клинических и историко-биографических данных (биографии Лютера, Ганди, Горького, Джефферсона и др.), опирается на этнографические наблюдения американс-

ких индейцев сиу и юрок. Основательной кросскультурной проверке подверглись положения генетической психологии Ж. Пиаже, когнитивно-генетическая теория морального развития Л. Колберга и ряд других общих теорий.

От истории педагогики к истории детства

Научная этнография детства невозможна без его истории. Способы воспитания и самый мир детства историчны. Но чтобы проследить их историческую эволюцию, необходим целый ряд предпосылок. Во-первых, изучаемое общество должно обладать развитым историческим сознанием, способным предоставить в распоряжение современного исследователя достаточно богатый и разнообразный круг источников – педагогических текстов, мемуаров, иконографических материалов. Во-вторых, необходимо наличие достаточно высокой профессиональной культуры исторического исследования.

Первая, объективная предпосылка, вероятно, существует во всех больших цивилизациях как Запада, так и Востока. Значительно хуже обстоит дело с исторической наукой. Отдельные элементы истории детства имеются в любых хороших трудах по социальной истории, истории семьи, культуры и быта, а также в исторических биографиях. Однако эти данные фрагментарны, несистематичны и теоретически слабо осмыслены. Первые попытки их осмысления предприняла еще в XIX веке история педагогики. Но – парадоксальная ситуация! – чем больше специализировалась педагогическая теория, тем сильнее история педагогических идей отрывалась от истории детства и воспитания в широком смысле слова. По подсчетам Э.Д. Днепров [Днепров, 1981. С. 11], в 1918–1977 годы в СССР было опубликовано 6 774 работы по истории дореволюционной русской школы и педагогики. Казалось бы, немало. Но 3 889 (57,4 %) этих публикаций посвящены отдельным педагогам и деятелям просвещения, 2 149 (31,7 %) – истории школы, 680 – частным проблемам истории педагогической мысли и 56 – педагогической журналистике, обществам и организациям. Персоналии и история педагогических учреждений вытеснили, задавили содержательную историю воспитания и формирования личности ребенка.

Особенно плохо обстояло дело с историей русского детства. В результате многолетнего засилья вульгарного социологизма и недооценки биографического метода детские и юношеские годы даже самых выдающихся деятелей русской культуры, за редкими исключениями (например, А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого) освещаются в высшей степени скудно. Очень мало работ и о русской народной педагогике.

На Западе до начала 60-х годов история детства также не занимала самостоятельного места, а история воспитания в значительной мере сводилась к истории воспитательных учреждений – школ и университетов. Исключение составляла только история литературы – монографии об образах детства в художественной литературе того или иного периода [см., например: Dupuy, 1931; Primault et al., 1961; Coveney, 1967].

Книга Арьеса «Ребенок и семейная жизнь при Старом Режиме» (1960) радикально изменила положение вещей. Написанная в свободной эссеистской манере, на солидной источниковедческой основе, она освещает три главных круга вопросов:

1. Эволюцию понятия и образа детства – периодизацию жизненного пути, историю осознания детства как особого социокультурного явления, эволюцию детской одежды, игр и развлечений, целей и методов нравственного воспитания.

2. Историю школьной жизни – возраста школьников, смены типов учебных заведений, происхождение одновозрастного школьного класса, изменения целей и методов дисциплинирования школьников, переход от дневной школы к системе интернатов и влияние всего этого на поведение детей.

3. Место и функции детей в «старой» и «современной» семье.

Принципиальная новизна книги Арьеса заключалась в том, что он впервые конкретно показал, что детство – не просто естественная универсальная фаза человеческого развития, а понятие, имеющее сложное, неодинаковое в разные эпохи социальное и культурное содержание. Отсюда необходимость сочетания объективных статистических данных, например, о возрастном составе населения в целом, а также отдельных семейных групп, школьных классов (Арьес по образованию – исторический демограф), с историко-культурными и психологическими.

Как справедливо замечает Р. Меккель [Meckel, 1984], Арьеса и его многочисленных последователей интересует не столько исторический ребенок или реальное прошлое детства, сколько социальные установки, отношение взрослых к детям и детству. То, как общество воспринимает и воспитывает своих детей, по Арьесу, – одна из главных характеристик культур в целом, а изменения в этих установках могут прояснить многие другие глубинные макросоциальные сдвиги (например, в структуре и функциях семьи). Хотя книга Арьеса была восторженно принята и профессиональными историками, и широкой публикой, вскоре выяснилась ограниченность его подхода и методов. Раньше всего вызвало возражения жесткое отнесение «открытия детства» к строго определенному историческому периоду. Например, иконографические исследования показали, что средневековые художники, не говоря уже об античных, изображали детей не только как маленьких взрослых, но и достаточно реалистично [Garnier, 1973; Forsyth, 1976; Abrahamse, 1979]. Расплывчатость понятия «детство» при ближайшем рассмотрении оказалась общим свойством всех возрастных категорий во все времена. Возражения вызвало утверждение Арьеса, что раннебуржуазная семья ограничивает свободу ребенка и усиливает суровость наказания; степень реальной свободы ребенка невозможно оценить без учета сферы и содержания его деятельности, а также конкретных условий воспитания.

В истории детства 70–80-х годов просматриваются, хотя и не формулируются прямо, те же два полюса, что и в психологической антропологии. Одни авторы рассматривают нормативный образ ребенка и стиль его воспи-

тания как продукт и объективацию социальных установок общества взрослых, другие, наоборот, видят в детском опыте ключ к пониманию жизненного мира и социального поведения взрослых. Хотя эти подходы в принципе взаимодополнительны, они представляют разные типы исследования и ориентируются на разные источники.

С известной долей упрощения сегодня можно говорить о наличии двух разных типов или, точнее, полюсов социальной истории – социологическом и психологическом. Социологическая история (историческая социология) семьи, детства и воспитания тяготеет главным образом к изучению объективных, социально-структурных и демографических аспектов проблемы. Психологическая история (историческая психология) больше интересуется субъективной стороной дела – эмоциональным климатом взаимоотношений детей и взрослых, спецификой детских и юношеских ценностей.

В работах традиционного гуманитарного плана эти перспективы обычно совмещаются, дополняя друг друга. Но на полюсах различия между ними очень заметны. Социологическая история детства неразрывно связана с новейшими тенденциями в социологии семьи, возрастной стратификации и исторической демографии. В последние 15–20 лет в этих областях знания произошли разительные перемены, затронувшие как их понятийный аппарат, так и содержательные концепции [общую характеристику этих сдвигов см.: Вишнеvский, 1979].

Историческая демография и история семьи

Взять хотя бы вопрос о трансформации структуры и типа семьи при переходе от феодального общества к буржуазному. Согласно традиционной точке зрения, эволюция семьи, начиная со средних веков и особенно в эпоху индустриальных революций, шла в одном направлении: от больших «многоядерных» патриархальных семейных групп к малым нуклеарным семьям. Ныне этот взгляд оспаривается многими серьезными историками (Ж. Дюби, К. Клапиш, Д. Герлихи и др.). Фундаментальный коллективный труд «Домохозяйство и семья в прошлом», подготовленный Кэмбриджской группой исторической демографии под руководством П. Ласлетта, заключает, что «нет признаков того, что большая многоядерная совместно проживающая семейная группа традиционного крестьянского мира уступает место малому, нуклеарному супружескому домохозяйству современного индустриального общества» [Household... 1972. P. 126] ¹.

Казалось бы, вопрос о том, какой тип семьи преобладал в ту или иную эпоху, может быть разрешен чисто эмпирически, тем более, что Ласлетт и его сотрудники ввели в научный оборот много новых исторических источников,

¹ Русский перевод сокращенного автором варианта вступительной статьи к этой книге см.: [Ласлетт, 1979].

прежде всего – местных списков населения, составлявшихся для фискальных и административных нужд задолго до появления государственных переписей. Но насколько терминология переписчика, жившего за двести-триста лет до нас, совпадает с нашей, а также с представлениями людей, которых он переписывал? Что именно подразумевает переписчик под «семьей», «домом», «домохозяйством»? Терминологический вопрос перерастает в методологический.

Семья всегда образует социальную группу. Но ее системообразующие признаки могут быть разными. Это может быть ячейка, основанная на родстве и общности происхождения или на совместном проживании, или на совместном ведении хозяйства (иногда говорят соответственно о биологической, территориальной и экономической семьях). Поскольку все эти признаки взаимопереплетаются, проследить генезис каждого из них и историческое изменение их соотношения очень трудно. Это порождает острые споры.

Исследование П. Ласлетта и его методология подверглись резкой критике со стороны американского историка Л. Беркнера [Berkner, 1975]. По мнению Беркнера, Ласлетт упрощает вопрос об источниках информации о структуре семьи в прошлом, переоценивая достоверность данных, содержащихся в поименных списках, которыми он пользуется, и игнорируя другие источники. При этом упрощается и вопрос о критериях выделения домохозяйства, которые в конечном счете сводятся к общности местожительства, тогда как «реальную организацию домохозяйства можно установить, только рассмотрев целый ряд переменных, включая общее потребление, общее производство и близость проживания родственных групп» [Berkner, 1975. P. 727].

Главное же обвинение состояло в том, что Ласлетт слишком схематизирует действительность, жертвуя изучением реального семейного поведения во имя сравнительно-исторического описания. Хотя всякий теоретик, писал Беркнер, должен создавать категории и классификации, чтобы сравнивать различные общества, это не значит, что одни и те же категории пригодны для анализа любого отдельно взятого общества. Игнорируя культурные и прочие различия, Ласлетт заранее определяет домохозяйство по английскому образцу и с помощью этого образца пытается описать структуру домохозяйства в Сербии, Японии или любой другой стране. Не отрицая классификационной ценности предлагаемых Ласлеттом категорий, Беркнер сомневается, что такие категории, как «простое», «расширенное» или «сложное» домохозяйство, описывают различные типы семейных структур. Они могут представлять различные фазы цикла развития одной и той же семейной структуры, которые поддаются выявлению только при распределении классификационных категорий по возрасту глав домохозяйства.

Такой подход, по мнению Беркнера, позволяет объяснить отмеченное Ласлеттом численное преобладание нуклеарных семей, не признавая их вместе с тем господствующим типом семьи в доиндустриальном обществе. Преобладание нуклеарных семей может быть, например, следствием высокой смертности, делающей невозможными для большинства населения сложные формы семьи, к которым оно на самом деле стремится.

Полемика Беркнера с Ласлеттом была на первый взгляд сугубо специальной, историко-демографической. Однако в ней присутствуют некоторые общенаучные моменты. Ласлетт стремится максимально формализовать и квантифицировать историко-демографический материал, жертвуя при этом конкретным историзмом, тогда как Беркнер защищает более тонкий типологический подход, который не редуцирует историю к статистике, а включает демографические показатели в содержательное системное целое, связывая их с классовой структурой общества и с особенностями психологии людей. Эти подходы одновременно различны и взаимодополнительны.

Спор идет не только о том, насколько исторически универсальна нуклеарная семья. Даже в одном и том же обществе размер крестьянской семейной ячейки зависит от ее имущественного положения, а также от существующих правил наследования земельной собственности [Le Roy, 1972; Family... 1976]. Подводя итоги французским исследованиям в этой области, П. Губер решительно подчеркивал, что «экономическая и социальная структура – ключ к преобразованию мононуклеарного типа семьи» [Goubert, 1977. P. 190].

Эти методологические проблемы существенны для истории не только европейской, но и азиатской, африканской и какой угодно другой семьи. И хотя статистика рождаемости и смертности и структура домохозяйства сами по себе ничего не говорят об отношении к детям или способах их воспитания, они проясняют его объективные условия, позволяя установить, сколько детей одновременно было в доме, с какими взрослыми они непосредственно соприкасались, как дифференцировались семейно-родственные и территориально-общинные отношения.

Не менее важны для понимания конкретной природы детства, отрочества и юности исторические сдвиги в системе возрастной стратификации и структуре жизненного пути. Историко-демографические проблемы тесно переплетаются при этом с хозяйственно-экономическими.

Стили воспитания

В рамках характерного для современной педагогики сентиментального детоцентризма вопрос, сколько стоит выращивание ребенка и какова приносимая им польза, выглядит вульгарным и даже циничным. Между тем историко-демографические исследования в странах с низким уровнем социально-экономического развития показывают, что между рождаемостью и участием детей в производительном труде существует определенная положительная связь; материальная «окупаемость» рождения и воспитания ребенка стимулирует рождаемость [Nag et al., 1978]. Так было и в Европе. Недаром К. Маркс посвятил детскому труду целую главу «Капитала». В XIX веке детский труд был необходимым элементом семейного дохода. В некоторых английских общинах до 10 % семей не имели другого источника дохода, кроме детского труда. В Швеции в 1875 году дети

составляли до 20 % рабочей силы на стекольных, спичечных и табачных предприятиях [Qvortrup, 1984; см. также: Кваша, 1987].

С ростом материального благосостояния общества положение изменилось¹. Вместо заводов и фабрик дети теперь сосредоточены в детских садах и школах. Воспитание детей стало обходиться родителям и обществу значительно дороже, а «отдача» с их стороны уменьшилась. Социальная педагогика видит в этом прогресс, обусловленный объективным усложнением содержания и методов и удлинением сроков социализации и т. д. Но обратной стороной этого процесса стала затяжная инфантильность подростков и юношей, которых старшие рассматривают не как ответственных субъектов общественной деятельности, а как зависимый объект воспитания и обучения. «Любовь к детям» оборачивается невольным и неосознаваемым умалением их реальных возможностей и прав, мелочной социальной и эмоциональной опекой, о чем проникновенно и горько писал Я. Корчак: «В принципе наш взгляд на ребенка – что его как бы еще нет, он только еще будет, еще не знает, а только еще будет знать, еще не может, а только еще когда-то сможет – заставляет нас непрерывно ждать. <...> Половина человечества как бы не существует. Жизнь ее – шутка, стремления – наивны, чувства – мимолетны, взгляды – смешны... Уважайте текущий час и сегодняшний день! Как ребенок сумеет жить завтра, если мы не даем ему жить сегодня сознательной, ответственной жизнью?» [Корчак, 1980. С. 9].

Экономическая целесообразность и педагогическая мудрость переплетаются гораздо теснее, чем кажется обыденному сознанию. Чтобы правильно определить соотношение и иерархию материальных возможностей, целей и средств воспитания, необходимо прежде всего широкое историко-социологическое мышление, свободное от наивного педагогического провинциализма обитателей Вороньей слободки, живущих по принципу: «как захочем – так и сделаем».

Социально-экономические факторы существенны и для понимания частных, локальных институтов и методов воспитания. Например, известно, что во многих странах Западной Европы (отчасти и в России) в XVIII–XIX веках в аристократических семьях было принято нанимать кормилицу или отдавать грудных младенцев на выкармливание в чужие, как правило, бедные, семьи до достижения полутора-двух лет. Во Франции последний обычай сохранялся особенно долго и был распространен не только в высших, но и в средних слоях общества (городские ремесленники, торговцы и т. д.). Чем объясняется этот обычай? По мнению канадского историка Э. Шортера [Shorter, 1975], такая практика была следствием относительного безразличия традиционного общества к маленьким детям, а ее отмирание свидетельствует об усилении родительской любви. Американский историк Д. Сусман

¹ «Потребность в детях» и ее влияние на демографическое поведение широко обсуждается в отечественной демографии [см., например: Антонов, 1980; Антонов, Сорокин, 2000; Детность... 1986; Вишневецкий, 1982; Вишневецкий, 1998; Захарова, 1998; Клецин, 1998].

[Sussman, 1982] предлагает другое, социально-экономическое объяснение, связывая судьбы института выкармливания не столько с эволюцией родительских чувств, сколько с трудностями длительного перехода Франции от аграрной экономики к индустриальной. В аграрном обществе женщина-мать совмещала уход за детьми с домашней работой. В новое время количество мелких городских буржуа возросло, а материальное положение их ухудшилось, заставляя матерей искать оплачиваемую работу вне дома, а новорожденных отдавать в чужие руки. Отмирание этой практики в начале XX века объясняется поэтому не тем, что француженки внезапно стали хорошими матерями, а тем, что изменился тип экономики, уменьшилась доля женщин в несельскохозяйственной рабочей силе и улучшились условия семейного быта.

Конечно, не все можно объяснить экономически. Историческая демография и социология семьи сами не могут обойтись без тех или иных социально-психологических гипотез относительно мотивов репродуктивного поведения, рождаемости, потребности в детях и приписываемой им ценности, которая может быть как материальной (участие в домашнем хозяйстве или получение калыма от продажи дочери), так и духовно-символической (ребенок как дар божий, как продолжение собственного «Я» и т. п.).

Различие стилей социализации также вызывает острые споры и дискуссии. Например, известный американский историк Л. Стоун [Stone, 1977] описывает английскую раннебуржуазную патриархальную семью как исключительно суровую, авторитарную и репрессивную по отношению к детям. Сходную картину жестокого прошлого рисуют и многие другие исследователи [см., например: Samis, 1983]. Однако более тщательные исследования показывают, что этот образ нуждается в существенных коррективах. Например, пуританские отцы в колониальной Америке, при всей их тиранической суровости, поощряли в детях, по крайней мере мальчиках, не только послушание, но и самостоятельность [см.: Demos, 1970; Ozment, 1983]. По мнению С.Д. Sommerвилла [Sommerville, 1982], эволюция «детоцентризма» в XVII–XIX веках была неоднозначной: с одной стороны, детям стали уделять гораздо больше любви и внимания, а с другой – навязывать им новые, весьма обременительные для них социальные и культурные роли. Sommerвилл отмечает связанное с именем Руссо «ложное возвеличение детства» и утрату прежнего «реалистического» отношения к нему; отрицательные последствия этого стали особенно заметны в XX веке.

Чем детальнее и глубже изучается история детства, тем больше количественные сопоставления его этапов сменяются качественными. Это касается и принципов дисциплинирования. Как убедительно показал М. Фуко [Фуко, 1999 (1975)], речь должна идти не столько о степени «репрессивности» или «либерализма» учителей и родителей, сколько об изменении типов дисциплины. Традиционное средневековое общество стремилось как можно строже контролировать поведение человека независимо от его возраста. В новое время, по мере осознания ценности индивидуальности, значительно больше внимания

уделяется контролю за внутренними побуждениями и мыслями. Отсюда – принципиально иное соотношение наказаний и поощрений и установка на формирование развитого самоконтроля, тесно связанные с макросоциальными процессами индивидуализации и персонализации.

Новые источники и аспекты истории детства

Очень интересный источник для социальной истории детства – *дневники, воспоминания и автобиографии*. О необходимости и методологических трудностях изучения автобиографии как (а) ретроспективного конструирования собственной личности, (б) особого литературного жанра и (в) источника данных для истории детства и юности писали многие ученые, не только зарубежные, но и отечественные еще в 1970-х годах (А.Я. Гуревич, Л.Я. Гинзбург, М. Эпштейн, Е. Юкина, И.С. Кон). Во второй половине 1990-х годов автобиографические описания детства стали предметом систематических исследований в работах О.Е. Кошелевой, В.Г. Безрогова и других авторов, которые интерпретируют автобиографические документы одновременно в историко-культурном и психологическом ключе [Кошелева, 1996, 2000; Хеннигсен, 2000; Память... 2001; Безрогов и др., 2001]¹. Это позволяет глубже понять не только эволюцию социальных представлений о детстве, но и раскрыть мир детства изнутри.

Огромный вклад в изучение мира детства вносят *гендерные исследования*. Традиционная социальная история склонна была говорить о детях вообще, не уточняя, имеются ли в виду мальчики или девочки, причем мальчикам обычно уделяли больше внимания. Между тем стили воспитания мальчиков и девочек, равно как и практика отцовства и материнства, всегда были фундаментально различны. Первыми это осознали антропологи. Затем пришла очередь историков. История женщин, начиная с пятитомного труда под редакцией Ж. Дюби и М. Перро [Storia... 1990]², и выросшая на ее основе гендерная история не только привлекли внимание ученых к историческим особенностям и вариациям женского жизненного пути, в отличие от мужского, и специфическим стратегиям материнства, в отличие от отцовства, но и связала эти проблемы с гендерной стратификацией и отношениями власти. Этот подход начинает применяться и к отечественной истории (хотя в целом она остается махрово сексистской). В предметном указателе аннотированной библиографии Н.Л. Пушкаревой [Пушкарева, 2002] выделяются такие

¹ К сожалению, авторы и редакторы первой и самой известной книги из этой серии [Природа... 1998], не забыв поблагодарить своих зарубежных спонсоров, не сочли нужным упомянуть никого из своих отечественных предшественников 1970–1980-х годов, на труды которых, включая саму постановку проблемы, они фактически опирались, создавая у молодого читателя ошибочное впечатление, будто история автобиографии и детства в России начинается только с их собственной работы. Не лучший пример для студентов, тем более – историков воспитания!

² Книга переведена на английский и французский языки. Готовится и ее русский перевод.

самостоятельные сюжеты, как материнская власть над детьми, материнская педагогика, матери и дети, содержание их взаимоотношений, материнские игры с детьми, особенности материнства в разных социальных средах и у разных народов. Гендерный подход позволяет сделать историю детства более конкретной, учитывающей фактор времени и социальных изменений, не обольщаясь видимым постоянством и повторяемостью некоторых образов и архетипов.

История детства, как и его этнография, не может существовать вне широкого социокультурного контекста, учитывающего эволюцию способов производства, половозрастной стратификации, типов семьи, системы родственных, соседских и иных межличностных отношений, а также ценностных ориентаций культуры. Особое значение приобретает при этом современность. Изучение сложных развитых обществ повышает нашу чувствительность к внутрикультурным социально-экономическим и индивидуальным вариациям, которых порой не замечают этнографы.

Культура детства

Характерная черта современного этапа развития наук о человеке, включая изучение мира детства, помимо установки на междисциплинарную кооперацию, – все более отчетливое понимание того, что ребенок – не просто объект воспитания, социализации и иных внешних воздействий, а самосознательный, активный субъект жизнедеятельности. Это распространяется и на изучение мира детства. Традиционные науки о человеке изучали детей и детство прежде всего как объект и продукт деятельности взрослых: как взрослые представляют себе детей, воспитывают, дисциплинируют, приобщают к культуре. Сами понятия воспитания, социализации, сколько бы мы ни говорили об учете возрастных, половых, индивидуальных и прочих особенностей ребенка, молчаливо предполагают неравенство и асимметричность отношения «взрослый – ребенок». Взрослый мыслится как субъект, учитель, наставник, а ребенок – как объект (в лучшем случае – агент), продукт и результат этой деятельности. Хотя мало кто представлял ребенка пассивным, страдательным началом, ему, как правило, отводилась роль реципиента. Как же быть с саморазвитием, спонтанным творчеством и активностью, которую так часто проявляют, вопреки усилиям взрослых, даже совсем маленькие дети? Как «пощупать» это творчество и его социально-культурные корреляты и детерминанты?

Чтобы выйти на новый круг проблем, необходимо рассмотреть мир детства не столько как продукт социализации и научения со стороны взрослых, сколько как автономную социокультурную реальность, своеобразную субкультуру, обладающую своим собственным языком, структурой, функциями, даже традициями. Если до сих пор ученые смотрели на детство глазами взрослых, то теперь они хотят перевернуть угол зрения, рассмотреть взрослый мир сквозь призму детского восприятия.

Из каких элементов складывается феномен, который американский этнограф М. Гудмэн [Goodman, 1970] условно назвала «культура детства»? Здесь можно выделить три главные подсистемы: 1) детскую игру, 2) детский фольклор и вообще художественное творчество и, наконец, 3) общение, коммуникативное поведение детей. Ни один из этих сюжетов не является для науки новым. Но если раньше детская игра и художественное творчество рассматривались преимущественно в контексте социального научения, в котором центральной фигурой был взрослый, то теперь фольклористы и этнографы заинтересовались более интимными, скрытыми от взрослых аспектами детской жизни.

Революция в изучении детского фольклора, как справедливо замечает М.В. Осорина [Осорина, 1985; Осорина, 1983], началась в конце 50-х годов, когда английские фольклористы, супруги Айона и Питер Опи, опубликовали свою знаменитую книгу «Фольклор и язык школьников» [Orie, Orie, 1959], в которой были зафиксированы фольклорные сюжеты и игры десятков тысяч школьников Англии, Шотландии и Уэльса.

Существенно изменились и методы сбора материала. «Исследователь с магнитофоном и кинокамерой, облепленный ватагой детей, появляется на игровых площадках и во дворах многоквартирных домов, на школьных переменах и в детских санаториях. Чаще всего это молодой человек, легко устанавливающий контакт с детьми. Он охотно участвует в детских предприятиях, играх, приключениях. Дети ему доверяют: он не судит, не оценивает, а только слушает, смотрит, впитывает. Включенное наблюдение и использование магнитофона позволили описать многие проявления детской традиции, оставшиеся раньше не замеченными. Живое доверительное общение с детьми заметно снимает ограничения взрослой цензуры, которая сохраняется даже при анонимных опросах, с указанием только пола и возраста, если ответы учеников в классе собирают школьные учителя. Однако главная перемена была, конечно, связана с совершенно новой точкой зрения на детский фольклор в целом. Стало очевидно, что в качестве носителя детского фольклора надо изучать не отдельно взятого ребенка, а детскую группу как целостный социальный организм. Именно здесь удовлетворяет ребенок растущие социальные потребности в общении, в информации, в эмоциональном контакте, в совместной деятельности» [Осорина, 1985. С. 52–53].

Это дало возможность получить богатый материал о запретных прежде темах, которые составляют значительную часть реально бытующих детских текстов. В 60-е годы в разных странах началась активная запись и изучение детских шуток и анекдотов, «черного» юмора. Появились публикации о потаенном эротическом фольклоре детей. В 1990-х годах такие материалы появились и в России, но собирать их ученые начали много раньше [Осорина, 1999].

Огромное теоретическое и практическое значение имеет изучение коммуникативного поведения детей: как складываются и чем поддерживаются групповые установки и стереотипы поведения, от чего зависит иерархия позиций и статусов. Универсальность и высокая социально-психологическая

значимость подростковых и юношеских групп, основанных на принципе возрастной солидарности и в то же время разновозрастных по своему составу, давно известны и социологам, и этнографам. Новейшие сравнительно-исторические и этнологические исследования показывают, что этот институт существует уже у 8–12-летних детей, причем соответствующие половозрастные стереотипы и нормы поведения существенно различны у мальчиков и девочек [см.: Foot et al., 1980]. Уникальный эмпирический материал содержат работы культуролога С.Б. Борисова по культурантропологии девичества [Борисов, 2002].

Социология детства

Одно из главных достижений науки о детстве конца 1980–1990-х годов – появление социологии детства. Разумеется, социологи всегда интересовались проблемами детства, но чаще всего это делали попутно с какими-то другими сюжетами, в рамках социологии воспитания или социологии семьи. «Субъектные» аспекты и специфические социальные трудности детства нередко оставались при этом в тени.

Социальный феномен детства

Поворотным пунктом к созданию новой парадигмы детства стал международный проект «Детство как социальный феномен» Европейского Центра социальной политики под руководством датского социолога Е. Квортруп [Quortrup, 1991]. Вместо привычной «психологизации» мира детства в центре этого проекта оказались социально-экономические, демографические и политические проблемы: детство как социально-демографическая группа, его место в социальной структуре и структуре населения; положение детства в системе взаимоотношений между поколениями; социография детства (данные демографической статистики о динамике детского населения); положение детей в семье; формы деятельности детей – их трудовая занятость, школьные занятия, досуг как «запланированная спонтанность»; дистрибутивная справедливость – насколько велика и справедлива доля получаемого детьми общественного продукта, как он делится между разными поколениями; экономика детства – что дети получают от общества и каков их собственный вклад в экономическое развитие; правовой статус детей; отношения между государством, родителями и детьми; диалектика защиты детей и автономии детства. Например, запрещение детского труда может быть как способом защиты детей, так и способом их дискриминации, отрицания их права на труд. Такая же двойственность проявляется и в законодательном регулировании детской сексуальности, когда защита детей от сексуальной эксплуатации взрослыми порой оборачивается отрицанием и подавлением сексуальных чувств и потребностей ребенка.

Намеченная Квортрупом программа была реализована в серии подробных национальных отчетов, описывающих социальное положение детей в

ряде стран (Канаде, Чехословакии, Дании, Англии, Финляндии, Германии, Греции, Ирландии, Израиле, Италии, Норвегии, Шотландии, Швеции, Швейцарии, США и Югославии), результаты которых были сведены в статистический компендиум [Jensen, Sapority, 1992]. Это способствовало дальнейшему развитию и институционализации социологии детства.

В 1998 году в рамках Международной социологической ассоциации создан специальный Исследовательский комитет по социологии детства, интересы которого тесно переплетаются с работой исследовательских комитетов по социологии воспитания, семьи и молодежи, а также ЮНИСЕФ.

Европейская Комиссия включает данные о социальном положении детей, состоянии их образования, здоровья и т. д. в свои ежегодные отчеты о национальной семейной политике европейских государств в форме специальных докладов [European... 1998]. Специальные международные отчеты, посвященные проблемам детской бедности [Bradbury et al., 2001], преступности, смерти от несчастных случаев и т. д., публикует ЮНИСЕФ. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) регулярно собирает и публикует данные о состоянии здоровья и развития детей и подростков [Child... 2002] ¹.

Одним из ведущих междисциплинарных, но по преимуществу социологических, изданий, посвященных детству, стал выходящий с 1994 года «Глобальный журнал исследований ребенка – Детство» (Childhood). Слово «глобальность» имеет в данном случае два значения. Во-первых, журнал стремится преодолеть европоцентризм и охватить все страны и континенты. Во-вторых, он является глобальным по своей тематике, рассматривая мир детства в самом широком социокультурном контексте, от психологии до архитектуры (например, в каком физическом и символическом пространстве живут и развиваются современные городские дети и как это влияет на их поведение и психику).

Социологическая теория детства

Новые исследовательские вопросы вызвали к жизни и новую теоретическую рефлексию о детстве [см.: Quortrup, 1994; James et al., 1999]. В отличие от традиционных психолого-педагогических исследований, все еще методологически привязанных к биологической парадигме онтогенеза, социология детства рассматривает его не как природную данность, а как социальный конструкт, а детей – как соучастников (хоть и не всегда полноправных) социального процесса, имеющих свой собственный взгляд на мир, подчеркивая, что детский взгляд (точнее – взгляды) требует к себе серьезного внимания со стороны взрослых. Существует несколько специфически социологических парадигм изучения детства.

Первая парадигма – рассмотрение детства как *особого «племени»* (tribal group), со своей особой культурой, языком, игровыми традициями и т. д.,

¹ Многие из этих материалов доступны в Интернет <http://www.who.int/child-adolescent-health>.

уходит своими идейными истоками в антропологию. Слово «племя» подчеркивает, что детская культура может быть бесписьменной и содержит в себе много архаических элементов, которые непонятны взрослым и тем не менее весьма существенны.

Вторая парадигма – дети как *социальное меньшинство*, аналогичное гендерным, расовым, социально-экономическим и этническим меньшинствам. Эта парадигма делает исследователей детства особенно чувствительными к проблемам социального неравенства, отношениям власти и дискриминации.

Третья парадигма выдвигает на первый план проблемы *маркирования социального пространства детства* как признанного компонента всех социальных структур – где, как и в каком именно статусе дети участвуют в общественной жизни, как это сказывается в членении жизненного пути.

Наконец, четвертая парадигма ставит во главу угла *изучение дискурсов*, производящих и видоизменяющих идею ребенка и детства: какие именно свойства детей при этом выделяются и подчеркиваются или, наоборот, замалчиваются, и как это, в свою очередь, влияет на психологию детей и их взаимоотношения со взрослыми.

Разумеется, ни одна из этих парадигм не является самодовлеющей, это просто разные точки зрения на один и тот же предмет. Общие черты современной социологической теории детства: 1) понимание ребенка как *социального субъекта* и 2) понимание *множественности* детства и детских миров. Это выдвигает на первый план наиболее острые социальные проблемы, такие как детская бедность, беспризорность, преступность, наркомания, проституция, причем обсуждение причин этих явлений неразрывно связано с поиском конкретных и эффективных методов социальной интервенции.

При этом подчеркивается, что акцент на помощи и социальной интервенции не означает превращения ребенка в объект. Тем более, что во внимании и помощи нуждаются не только дети, обездоленные на макро-социальном уровне. «Другие» дети, требующие к себе повышенного внимания, постоянно создаются и на микроуровне, в процессе повседневного развития и общения со сверстниками: «Отличием “других” детей от своих сверстников является достаточно раннее (или сформированное семьей или совершенно индивидуальное, природное) свойство осознания себя “как другого”, отличающегося от принятых в детском, а особенно в подростковом коллективе, манерами, интересами, ценностями, привычками» [Киселева, 2002. С. 41]. Это делает «социологический» ракурс необходимым везде и всюду.

Социология детства существует и в России. Прежде всего это государственные доклады о положении детей [О положении... 2000] и основанные на них программы. Статистические данные собирают и многочисленные неправительственные организации. НИИ детства Российского детского фонда начиная с 1990 года регулярно публикует доклады и исследовательские материалы о положении детей в России; последний такой доклад вышел в 2000 году

[Дети... 2000]. К сожалению, как государственная, так и негосударственная статистика не всегда надежна, и ее нередко используют в неблагоприятных политических целях. Социальные проблемы детства исследуются в рамках социологии семьи, образования, молодежи [Социология... 1998]. Особое внимание уделяется при этом наиболее болезненным проблемам, таким как социальное сиротство [Дементьева, 2001], беспризорность, детская преступность, проституция. Большая работа по изучению детства в контексте социологии семьи и образования проводится Российской Академией образования [Отчет... 2002]. Интересные материалы по комплексной социальной и психолого-педагогической программе «Защита детства» публикует журнал «Мир детства», издаваемый НПЦ «Социальные инновации» (с 2002 года). В Институте молодежи С.Н. Щеглова с 1998 года читала курс социологии детства [Щеглова, 1998]. Социологически ориентирован учебник «Социальная педагогика» А.В. Мудрика [Мудрик, 2002].

Много пишут о социальном развитии детства и ведущие отечественные психологи [Фельдштейн, 1999], хотя с конкретными социальными фактами психологические концепции все еще связаны слабо. Полезным инструментом интеллектуальной координации междисциплинарных исследований детства стали проводимые Российским государственным педагогическим университетом им. А.И. Герцена (К.В. Султанов) ежегодные международные конференции «Ребенок в современном мире»; последняя, девятая, конференция состоялась в 2002 году и была посвящена теме «Дети и город». Однако в целом российский исследования по социологии детства остаются разрозненными и атеоретическими.

Наиболее успешной попыткой междисциплинарной интеграции стала «Экология человеческого развития» (позже ее стали называть «Развитие человека в контексте») знаменитого американского ученого У. Бронфенбреннера [Bronfenbrenner, 1979, 1986]. Предложенная Бронфенбреннером экология человеческого развития означает исследование прогрессивной взаимной аккомодации между активным, растущим человеческим существом и изменяющимися свойствами непосредственных условий, в которых живет развивающаяся личность, причем этот процесс зависит от отношений между всеми этими условиями и от более общих социальных контекстов, в которых данные условия заключены. Развитие ребенка осуществляется не путем одностороннего воздействия среды на личность или наоборот, а в результате их постоянного взаимодействия. Разумеется, учесть в одном исследовании все взаимосвязанные факторы развития ребенка невозможно, но проект Бронфенбреннера привлекает (а) своей системностью и (б) акцентом на активном (со стороны развивающейся личности) характере процесса социализации. В этой связи Бронфенбреннер подчеркивает плодотворность теоретических идей советских психологов Л.С. Выготского, А.Р. Лурии, А.Н. Леонтьева, А.В. Запорожца и других и своих дискуссий с советскими учеными.

Права ребенка

Понимание ребенка как социального субъекта имеет и свой политический аспект. Патерналистский взгляд на ребенка практически отрицает его право на автономию. В европейском праве XX века, по словам известного австрийского ученого Г. Винтерсбергера, сложилась парадоксальная ситуация: «С одной стороны, к детям предъявляются требования и на них возлагаются обязанности, практически такие же, как и на взрослых, а с другой стороны, соответствующих прав дети не имеют. Если судить по обязанностям, то дети живут в XX веке, а по правам – при феодализме» [Винтерсбергер, 1997. С. 81].

Современное международное право, в частности принятая в 1989 году Генеральной Ассамблеей ООН Конвенция о правах ребенка, к которой присоединилась и Россия, пытается исправить это положение, рассматривая ребенка не только как объект правовой защиты, но и как субъект права:

Государства-участники обеспечивают ребенку, способному сформулировать свои собственные взгляды, право свободно выражать эти взгляды по всем вопросам, затрагивающим ребенка, причем взглядам ребенка уделяется должное внимание в соответствии с возрастом и зрелостью ребенка (ст. 12).

Ни один ребенок не может быть объектом произвольного или незаконного вмешательства в осуществление его права на личную жизнь, семейную жизнь, неприкосновенность жилища или тайну корреспонденции, или незаконного посягательства на его честь и репутацию. Ребенок имеет право на защиту закона от такого вмешательства или посягательства (ст. 16).

С тоталитарным сознанием признание этих положений несовместимо. Для него характерно понимание ребенка как чьей-то собственности. В СССР монопольным правом собственности на детей обладало государство, которое могло даже отобрать ребенка у «неблагонадежных» (например, религиозных) родителей. В постсоветской России лозунг защиты детей от родителей в значительной мере сменился требованием защиты семьи от посягательств со стороны государства. Но права самого ребенка в обоих случаях остаются эфемерными, их часто упоминают, но фактически не признают, особенно когда речь идет о таких острых вопросах, как легальный возраст согласия (с какого возраста подросток имеет право на сексуальную жизнь) и о праве детей на сексуальное образование.

Родители и дети в постсоветской России

Все проблемы, существующие на Западе, актуальны и для современной России, причем многие из них стоят у нас значительно острее, потому что общие трудности демографической модернизации усугубляются социально-экономическим кризисом страны, а сопутствующая ему волна консерватив-

ного сознания препятствует развитию трезвой социальной рефлексии, подменяя ее наивной морализацией и призывами «вернуться» из трудного настоящего в воображаемое прошлое.

Прежде всего, налицо общее ослабление института брака. В 1999 году почти 28 % всех родившихся в России детей появились на свет вне зарегистрированного брака, за 10 лет внебрачная рождаемость выросла более чем вдвое. Быстрый рост внебрачной рождаемости не является исключительно российским явлением и его не следует выводить из «падения нравов», тем более, что половина внебрачных рождений признается отцами, что свидетельствует о неслучайном характере отношений между родителями. По данным крупных выборочных переписей, в 1996 году в незарегистрированных браках состояло 14 % женщин от 20 до 24 лет, а в 1999 году – уже 17,4 % [Население... 2001. С. 32–33, 43–47].

Однако незарегистрированные отношения дают женщине значительно меньше правовых гарантий. В сочетании с быстрым увеличением количества разводов с конца 1980-х годов до 1994 года, когда этот показатель начал снижаться, это способствует росту социальной и психологической безотцовщины.

Изменились и социально-психологические установки на рождаемость. С суждениями, что «долг каждой женщины стать матерью» и «долг каждого мужчины растить детей» гораздо чаще соглашаются представители старших, нежели младших поколений. Особенно заметны сдвиги в установках женщин. На вопрос: «Должна ли каждая женщина стать матерью?», – среди опрошенных в конце 1990-х годов петербургских женщин от 18 до 29 лет утвердительно ответили лишь 20 %, а среди 30–39-летних – только 17 % [Гурко, 2000; Гурко, 2001]. Это значит, что материнство, которое религиозная мораль всегда считала главной ипостасью женщины, становится лишь одной из ее социальных идентичностей.

В представлениях россиян о справедливом распределении семейных функций и об обязанностях матери и отца традиционалистские установки борются с эгалитарными, сопровождаясь жесткими взаимными обвинениями мужчин и женщин.

Судя по имеющимся социологическим данным, реальное разделение труда и ответственности в семье, даже городской, является скорее традиционным [Римашевская и др., 1999; Малышева, 2001]. Роли добытчика и распорядителя денег отчетливо распределены между мужем и женой соответственно – он зарабатывает, она тратит. Мужья работают больше часов и зарабатывают больше своих жен. Зарабатывание денег 80 % опрошенных москвичей считают преимущественно заботой мужа, но в то же время больше 1/3 их предпочитают, чтобы деньгами распоряжались жены. Только 15 % женатых мужчин предпочитают сами распоряжаться деньгами – в 2,5 раза меньше, чем число женщин. Однако многие жены воспринимают это не как привилегию, а как бремя.

Что касается заботы о детях, то 81 % опрошенных хотели бы делить ее поровну. На вопрос: «Способно ли большинство мужчин так же, как и женщины, заботиться о детях?», – среди состоящих в браке положительно ответили

65,6 % женщин и 67,7 % мужчин, отрицательно – 1/4 женщин и почти 1/3 мужчин. Однако фактически, хотя более молодые и образованные мужья готовы взять на себя часть семейных дел, эти сдвиги происходят очень медленно. Если судить по реальным затратам времени, то разница между мужчинами и женщинами в постсоветский период даже увеличилась. В 1992 году женщины тратили на домашнее хозяйство 8 часов, а мужчины – 3 часа [Малышева, 2001. С. 256].

Участие отца в воспитании детей, за исключением дисциплинирования ребенка, участие в котором признал каждый четвертый отец, часто остается символическим. По остальным вопросам отцовское участие колеблется от 8,5 % (помощь ребенку в приготовлении уроков) до 1,9 % (уход за больным ребенком). В описании процессов принятия решений супруги часто резко расходятся: мужья склонны думать, что большинство семейных решений принимается совместно, тогда как жены выше оценивают собственную роль. А по ключевому для нашей темы вопросу: «Что детям можно делать?», – решающую роль мужьям отвели только 8,7 % жен и 8,2 % мужей [Малышева, 2001. С. 269].

Еще больше падает влияние отца в случае развода. По данным опроса большой группы разведенных жен и мужей, только 1/3 таких отцов, по их словам, достаточно часто видят своих детей и могут в какой-то степени заниматься их воспитанием. Жены оценивают положение еще пессимистичнее, вдвое чаще говоря об отсутствии каких бы то ни было отношений между отцом и ребенком. Такая же картина наблюдается и во Франции. Однако дело тут не только и может быть даже не столько в нежелании отцов, сколько в настроении самих женщин. Только 17 % разведенных жен сказали, что они хотели бы более частых контактов отца с детьми, тогда как 41 % предпочли бы, чтобы таких контактов не было вовсе [Прокофьева, Валетас, 2000]. Некоторые разведенные отцы вынуждены отстаивать свои права на ребенка в суде и даже создали собственную правозащитную организацию.

Эти социальные факты необходимо учитывать не только педагогам и психологам, но и политикам, которые часто склонны переоценивать эффективность нравственных призывов и административно-силовых методов. Разумеется, детей нужно защищать и охранять. Но сами по себе административные меры так же мало способны создать ответственное родительство, как и повышение легального возраста согласия – изменить тенденции развития подростковой сексуальности и сделать молодежную культуру более целомудренной [см.: Кон, 2001]. Социальная политика – не ритуальный плач по России, «которую мы потеряли», и не зычный командирский окрик «Все по местам!». Здесь нужен, прежде всего, социологический реализм.

Список литературы

- Антонов А. И. Социология рождаемости. М.: Статистика, 1980.
- Антонов А. И., Сорокин С. А. Судьба семьи в России XXI века. М.: «Грааль», 2000.
- Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке / Пер. с франц. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999 [1973].

- Безрогов В. Г., Кошелева О. Е., Мецкеркина Е. Ю., Нуркова В. В.* Педагогическая антропология: феномен детства в воспоминаниях: Учеб.-метод. пособие. М.: Изд-во УРАО, 2001.
- Бессмертный Ю. Л.* Рыцарство и знать X–XIII вв. в представлениях современников (обзор литературы кон. 60-х и 70-х годов) // Идеология феодального общества в Западной Европе: Проблемы культуры и социо-культурных представлений средневековья в современной зарубежной историографии. М.: ИНИОН РАН, 1980. С. 281–291.
- Борисов С. Б.* Мир русского девичества: 70-е – 90-е годы. М.: ЛАДОМИР, 2002.
- Винтерсбергер Г.* Дети, семья и общество: права и политические решения // Российский демографический журнал. 1997. № 1.
- Вишневский А. Г.* Воспроизводство населения и общество. М.: Финансы и статистика, 1982.
- Вишневский А. Г.* Серп и рубль: Консервативная модернизация в России. М.: О.Г.И., 1998.
- Вишневский А. Г., Кон И. С.* Предисловие // Брачность, рождаемость, семья за три века. М.: Статистика, 1979. С. 3–13.
- Гурко Т. А.* Вариативность представлений в сфере родительства // Социс. 2000. № 11. С. 90–97.
- Гурко Т. А.* Трансформация брачно-семейных отношений // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В. А. Ядова. М.: КАНОН-ПРЕСС-Ц, 2001. С. 272–283.
- Дементьева И. Ф.* Дети-сироты: социальная защита, возможности адаптации // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В. А. Ядова. М.: КАНОН-ПРЕСС-Ц, 2001. С. 389–397.
- Демоз Л.* Психоистория. Ростов-н/Д: Феникс, 2000.
- Дети России на пороге XXI века.* М.: Российский детский фонд; Научно-исследовательский институт детства, 2000.
- Детность семьи: вчера, сегодня, завтра.* М.: Мысль, 1986.
- Днепрова Э. Д.* Советская историография дореволюционной отечественной школы и педагогики (1918–1977). М.: Акад. пед. наук. НИИ общ. педагогики, 1981.
- Захарова О.* Исследования демографических процессов и детерминации рождаемости // Социология в России / Под ред. В. А. Ядова. 2-ое изд. М.: Институт социологии РАН, 1998. С. 392–414.
- Кваша А.* О демографической политике и расходах семьи на детей // Городская семья. М., 1987. С. 197–212.
- Киселев М. С.* «Другие» дети в пространстве города // Философия детства и проблемы современного города. СПб.: Изд-во СПбГТУ, 2002.
- Клецин А.* Социология семьи // Социология в России / Под ред. В. А. Ядова. 2-ое изд. М.: Институт социологии РАН, 1998. С. 415–435.
- Кон И. С.* Послесловие // Бронфенбреннер У. Два мира детства: Дети в США и СССР. М.: Прогресс, 1976. С. 132–161.
- Кон И. С.* Подростковая сексуальность на пороге XXI века. Дубна: Феникс+, 2001.
- Корчак Я.* Как любить детей. Минск, 1980.
- Кошелева О. Е.* «История детства» как способ реконструкции и интерпретации историко-педагогического процесса в зарубежной историографии // Всемирный историко-педагогический процесс: концепции, модели, историография / Под ред. В. Г. Корнетова и В. Г. Безрогова. М.: Изд-во УРАО, 1996. С. 185–215.
- Кошелева О. Е.* «Свое детство» в Древней Руси и России эпохи Просвещения. М.: Изд-во УРАО, 2000.

- Ласлетт П.* Семья и домохозяйство: исторический подход // Брачность, рождаемость, семья за три века / Под ред. А. Г. Вишневского, И. С. Кона. М.: Статистика, 1979. С. 132–158.
- Мальшева М.* Современный патриархат: Социально-экономическое эссе. М.: Academia, 2001.
- Мудрик А. В.* Социальная педагогика: Учебник. 3 изд. М.: Academia, 2002.
- Население России – 2000* / Восьмой ежегодный демографический доклад. Отв. ред. А. Г. Вишневский. М.: Книжный дом «Университет», 2001.
- О положении детей в Российской Федерации:* Гос. доклад. М.: Министерство труда и социального развития, 2000.
- Осорина М. В.* О некоторых традиционных формах коммуникативного поведения детей // Этнические стереотипы поведения. Л.: Наука, 1985. С. 47–64.
- Осорина М. В.* Секретный мир детей в пространстве взрослых. СПб.: Питер, 1999.
- Осорина М. В.* Современный детский фольклор как предмет междисциплинарных исследований // Советская этнография. 1983. № 3. С. 34–35.
- Отчет о работе Российской академии образования за 2001 год.* М.: Российская академия образования, 2002.
- Память детства:* Западноевропейские воспоминания о детстве от поздней античности до раннего Нового времени (III–XVI вв.): Учеб. пособие по педагогической антропологии / Сост. и отв. ред. В. Г. Безрогов. М.: Изд-во УРАО, 2001.
- Природа ребенка в зеркале автобиографии:* Учеб. пособие по педагогической антропологии / Под ред. Б. М. Бим-Бада и О. Е. Кошелевой. М.: Изд-во УРАО, 1998.
- Прокофьева Л., Валетас М.-Ф.* Отцы и дети после развода // Население и общество. 2000. № 50. нояб.
- Пушкарева Н.* Русская женщина: история и современность: Два века изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800–2000: Материалы к библиографии. М.: ЛАДОМИР, 2002.
- Римашевская Н., Ванной Д., Мальшева М., Куббинс Л., Мещеркина Е., Писклакова М.* Окно в русскую частную жизнь: Супружеские пары в 1996 году. М.: Academia, 1999.
- Социология в России* / Под ред. В. А. Ядова. 2-е изд. М.: Институт социологии РАН, 1998.
- Фельдштейн Д. И.* Психология взросления: структурно-содержательные характеристики процесса развития личности. М.: Флинта, 1999.
- Фуко М.* Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999 [1975].
- Хейзинга Й.* Homo Ludens. М.: Прогресс-Традиция, 1997 [1949].
- Хеннигсен Ю.* Автобиография и педагогика. М.: Изд-во УРАО, 2000.
- Щеглова С. Н.* Права детей и дети о правах (социологический анализ). М.: Социум, 1998.
- Эльконин Д. Б.* Психология игры. М.: Педагогика, 1978.
- Эриксон Э. Г.* Детство и общество. СПб.: Ленато: АСТ: Фонд «Университетская книга», 1996 [1963].
- Abrahamse D.* Images of Childhood in Early Byzantine Hagiography // The Journal of Psychohistory. Spring 1979. Vol. 6. № 4. P. 497–518.
- Berkner L. K.* The Use and Misuse of Census Data for the Historical Analysis of Family Structure // Journal of Interdisciplinary History. Spring 1975. Vol. 4. P. 721–738.
- Bradbury B., Jenkins S. and Micklewright J.* The Dynamics of Child Poverty in Industrialised Countries. Cambridge: Cambridge University press, 2001.

- Bronfenbrenner U.* Recent Advances in Research on The Ecology of Human Development // Development as Action in Context / Ed. by R. K. Silbereisen, K. Eyferth and G. Rudinger. Berlin: Springer-Verlag, 1986. P. 287–309.
- Bronfenbrenner U.* Socialization and Social Class Through Time and Space // Readings in Social Psychology / Ed. by E. E. Maccoby, T. M. Newcomb, E. L. Hartley. New York: Holt, 1958.
- Bronfenbrenner U.* The Ecology of Human Development. Experiments by Nature and Design. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1979.
- Camic Ch.* Experience and Enlightenment: Socialization for Cultural Change in Eighteenth-Century Scotland. Chicago: University of Chicago Press, 1983.
- Child and Adolescent Health and Development.* Progress Report 2000–2001. Geneva: CAH – WHO, 2002.
- Coveney P. P.* The Image of Childhood: The Individual and Society: A Study of the Theme in English Literature. Baltimore, 1967.
- Demause L.* The Evolution of Childhood // History of Childhood Quarterly. Spring 1974. Vol. 1. № 4. P. 507–508.
- Demos J.* A Little Commonwealth: Family Life in Plymouth Colony. New York: Oxford University Press, 1970.
- Dupuy A.* Un personnage nouveau du roman français, l'enfant. Paris: Hachette, 1931.
- European Observatory on National Family Policies: Developments in National Family Policies in 1996* / Ed. by J. Ditch, H. Barnes and J. Bradshaw. The University of York and European Commission, 1998.
- Family and Inheritance: Rural Society in Western Europe, 1200–1800* / Ed. by J. Goody, J. Thirsk, E. P. Thompson. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1976.
- Foot H. C., Chapman A. J. and Smith J. R.* Friendship and social relations in children. New York: John Wiley, 1980.
- Forsyth I. H.* Children in Early Medieval Art: Ninth Through Twelfth Centuries // The Journal of Psychohistory. Summer 1976. Vol. 4. № 1. P. 31–70.
- Garnier F.* L'Iconographie de l'enfant au Moyen Age // Annales de démographie historique. 1973. P. 135–137.
- Goodman M. E.* The Culture of Childhood: Child's Eye Views of Society and Culture. New York: Teachers College Press: Columbia University, 1970.
- Goubert P.* Family and Province: a Contribution to the Knowledge of Family Structure in Early Modern France // Journal of Family History. Summer 1977. Vol. 2. № 2. P. 190.
- Household and Family in Past Time: Comparative Studies in the Size and Structure of the Domestic Group over the Last Three Centuries in England, France, Serbia, Japan and Colonial North America, with Further Materials from Western Europe* / Ed. by P. Laslett with the Assistance of R. Wall. Cambridge: Cambridge University Press, 1972.
- James A., Jencks C. and Prout A.* Theorizing Childhood. London: Polity press, 1999.
- Jensen A.-M, Sapority A.* Do Children Count? Childhood as a Social Phenomenon: A Statistical Compendium // Eurosociological Reports. Vol. 36/17. Vienna, 1992.
- Knapp M., Knapp H.* One Potato, Two Potato: The Secret Education of American Children. New York: Norton & Company, 1976. P. 17–39.
- Kohn M. L.* Class and Conformity: A Study in Values. Chicago: University of Chicago, 1977.
- Le Roy Ladurie E.* Système de la coutume: Structures familiales et coutume d'héritage en France au XVI siècle // Annales. Economies. Sociétés. Civilisations. 1972. Vol. 27. P. 825–846.

- Meckel R. A.* Childhood and the Historians: A Review Essay // *Journal of Family History*. Winter 1984. Vol. 9. № 4. P. 415–424.
- Nag M., White B. N. F., Peet R. C.* An Anthropological Approach to the Study of the Economic Value of Children in Java and Nepal // *Current Anthropology*. June 1978. Vol. 19. № 2.
- Opie I., Opie P.* *Children's Games in Street and Playground*. Oxford: Clarendon, 1969.
- Opie I., Opie P.* *The Lore and Language of Schoolchildren*. London; New York: Oxford University Press, 1959.
- Ozment S. E.* *When Fathers Ruled: Family Life in Reformation Europe*. Cambridge: Harvard University Press, 1983.
- Pike K. T.* *Language in Relation to a Unified Theory of the Structure of Human Behavior*. 2nd rev. ed. The Hague: Mouton, 1967.
- Primault M., Lhong H., Malrieu J.* *Terres de l'enfance, le mythe de l'enfance dans la littérature contemporaine*. Paris: Presses Universitaires de France, 1961.
- Quorstrup J.* (ed.) *Childhood Matters*. Aldershot, 1994.
- Quorstrup J.* *Childhood as a Social Phenomenon // An Introduction to a Series of National Reports*. Eurosociological Reports. Vol. 36/0. Vienna, 1991.
- Quorstrup J.* *Placing Children in the Division of Labour // Family and Economy in Modern Society* / Ed. by P. Close and R. Collins. London, 1984.
- Shorter E.* *The Making of the Modern Family*. New York: Basic Books, 1975.
- Sommerville C. J.* *The Rise and Fall of Childhood*. Beverley Hills: Sage, 1982.
- Stone L.* *The Family, Sex and Marriage in England 1500–1800*. London: Weidenfeld and Nicolson, 1977.
- Storia delle donne in Occidente / A cura di G. Duby, M. Perrot*. Roma: Laterza, 1990.
- Sussman G. D.* *Selling Mothers Milk: The Wet-Nursing Business in France, 1715–1914*. Urbana: University of Illinois Press, 1982.
- The Reversible World: Symbolic Inversion in Art and Society* / Ed. by B. A. Babcock. Ithaca: Cornell University, 1978.
- Willis P. E.* *Profane Culture*. London: Routledge, 1978.

Игорь Семенович Кон
д. ф. н., академик РАО, главный научный сотрудник,
Институт этнологии и антропологии
Российской академии наук, Москва

электронная почта: igor_kon@mail.ru
<http://sexology.narod.ru>
